

**ЭФФЕКТ
ОРАНЖЕРЕЙ**

18+

Ирина Медь

Эффект оранжереи

«Автор»

2026

Медь И.

Эффект оранжереи / И. Медь — «Автор», 2026

Ева Лебедева — идеальный аудитор. Она носит безупречные тренчи, пьет эспрессо и знает, как найти черную дыру в любом балансе. Но внутри она выжжена дотла. Её последнее задание — закрытое эко-поселение «Сфера» в горах Карелии. Нужно найти нарушение, уничтожить проект и расчистить землю под элитный курорт. Простая работа на три дня. Но в «Сфере» всё идет не по плану. Здесь нет вай-фая, зато есть горячий травяной чай, тяжелые вязаные пледы, запах хвои и Марк — основатель поселения. Высокий, с мозолистыми руками и взглядом, который читает её лучше любых отчетов. Когда шторм обрывает связь и отрезает долину от мира, Ева теряет контроль. И впервые в жизни понимает, что некоторые вещи нельзя измерить в Excel. Сможет ли она разрушить этот уютный мир ради карьеры? Или рискнет всем, чтобы построить свой собственный фундамент? Уютная романтика о том, как найти себя, когда внешний мир слишком громкий. Для тех, кто любит тропы «от врагов к возлюбленным», «вынужденную близость»

© Медь И., 2026

© Автор, 2026

Ирина Медь

Эффект оранжереи

ГЛАВА 1. ТОЧКА РОСЫ

Самолет трясло последние сорок минут, и Ева чувствовала, как вместе с турбулентностью из нее вытряхивают последние крохи терпения.

Она сидела у иллюминатора, вцепившись в подлокотники кресла побелевшими пальцами, и смотрела, как внизу, под слоем рваных облаков, вместо привычного серого бетона Москвы проступают изумрудные, почти черные от густого леса горы.

Ева закрыла глаза и прижала пальцы к переносице, массируя точку, где обычно начиналась мигрень. В ее сумке из жесткой кожи лежал ноутбук, планшет с папками по ESG-аудиту и три запечатанных стика эспрессо. Ее личный набор для выживания в мире, который она давно перестала любить, но разучилась покидать.

Двадцать девять лет. Старший аудитор по устойчивому развитию в консалтинговом гиганте «Вектор». Она знала наизусть все протоколы Киотского соглашения, могла с закрытыми глазами найти углеродный след в балансе транснациональной корпорации и носила идеальные бежевые тренчи, которые никогда не мялись.

Но внутри, под этой безупречной броней, Ева была выжжена дотла. Она спала по четыре часа, питалась салатом из контейнера и разговаривала с психотерапевтом по видеосвязи ровно столько, сколько позволял ее корпоративный страховой лимит.

И вот теперь, вместо того чтобы взять наконец отпуск и уехать туда, где нет сотовой связи, она летела в самое сердце этой связи. В закрытое эко-поселение «Сфера» в горах Карелии.

Задание было простым и циничным. Корпорация «Вектор» хотела построить здесь элитный горнолыжный курорт. Но земля принадлежала частному фонду. Задача Евы: найти любое, даже самое мелкое нарушение экологических норм в деятельности «Сферы». Один штраф, одна судебная тяжба — и земля отойдет государству, а государство, как известно, быстро находит нужных покупателей.

Ева должна была стать санитаром леса. И за эту работу ей обещали партнерство в фирме.

Самолет коснулся взлетной полосы с глухим стуком. Ева выдохнула, открыла глаза и посмотрела в зеркало заднего вида, которое отражало ее лицо. Темные круги под глазами, которые она тщательно перекрывала тональным кремом. Собранные в тугий, низкий пучок волосы. Губы, сжатые в тонкую, бескомпромиссную линию.

«Три дня, — сказала она своему отражению. — Три дня, найдешь дыру, подпишешь акт и улетишь домой».

До «Сферы» пришлось добираться на стареньком, пахнущем бензином и мокрыми собаками внедорожнике. Водитель, местный житель с лицом, похожим на кору старого дуба, молча крутил баранку по серпантину.

Ева сидела на заднем сиденье, балансируя ноутбуком на коленях, и пыталась поймать сигнал сети. Полоски индикатора прыгали, но интернет не подключался.

— Связь обрывается, как только въезжаем в долину, — вдруг сказал водитель, глядя на нее в зеркало. — У них там свой контур. Не любят, когда снаружи лезут.

— Я не лезу, — холодно ответила Ева. — Я провожу плановую проверку.

Водитель хмыкнул. Звук был сухим, как треск ветки.

— Плановую. Ага. Говорят, волки тоже планово овец проверяют.

Ева промолчала, отвернувшись к окну. И тут ее дыхание перехватило.

Она ожидала увидеть что угодно: самодельные мазанки, палатки, может быть, стильные, но нарочито грубые эко-домики в духе «возвращения к истокам». Но то, что открылось внизу, в чаше долины, заставило ее забыть про мигрень.

«Сфера» не была вписана в ландшафт. Она была его продолжением.

Среди вековых сосен и мшистых валунов стояли здания из стекла, темного дерева и кортеновской стали. Они не нарушали линию леса, а повторяли ее изгибы. Крыши, заросшие мхом и полевыми травами, плавно перетекали в склоны холмов. Между домами тянулись застекленные переходы-оранжереи, внутри которых, даже с высоты, угадывалась густая, сочная зелень.

Это была не хиппи-коммуна. Это была архитектурная симфония. И, судя по масштабу, стоила она баснословных денег.

Внедорожник свернул с грунтовки на идеально утрамбованную гравийную дорожку и остановился у главного здания — низкой, вытянутой структуры с огромной панорамной стеной, обращенной к горной реке.

Ева вышла из машины. Воздух ударил в легкие, как ледяная вода. Он пах хвоей, влажным камнем и чем-то еще — пряным, теплым, похожим на запах томатной ботвы и разогретой на солнце земли.

Она поправила пальто, взяла в руку свой кожаный портфель и уверенно шагнула к входной двери. Ее каблук-шпильки, безусловно подходящие для московского асфальта, предательски хрустнули и провалились между крупными камнями гравия.

Ева дернула ногой, пытаясь высвободить каблук, но потеряла равновесие. Портфель полетел в сторону, а сама она, взмахнув руками, сделала нелепый шаг назад, готовясь упасть на мокрую гравийку.

Но падения не последовало.

Чья-то рука, тяжелая и горячая, перехватила ее за локоть. Хватка была мертвой, абсолютно надежной. Ева замерла, чувствуя, как ее инерция гасится чужой, спокойной силой.

— Если вы хотите убить себя об наши камни в первый же день, госпожа аудитор, — раздался низкий, ровный голос прямо над ее ухом, — то хотя бы делайте это подальше от входа. Мне не хочется отмывать кровь от гравия.

Ева медленно подняла голову.

Мужчина, державший ее, не выглядел как архитектор-визионер из глянцевого журналов. На нем была простая, застиранная до мягкости фланелевая рубашка в клетку, закатанная до локтей, и темные рабочие брюки, испачканные чем-то, похожим на глину или машинное масло. Его волосы, темно-русые, слегка выощиеся, были растрепаны, будто он только что снял каску.

Но Ева смотрела не на одежду. Она смотрела на его лицо.

Острые скулы, волевой подбородок, на котором синела легкая щетина. И глаза. Светло-серые, почти прозрачные, как горная река в пасмурный день. В них не было ни капли приветливости. Только холодное, оценивающее спокойствие человека, который привык, что его беспокоят по пустякам.

— Я не падаю, — выдавила Ева, чувствуя, как ее щеки горят от стыда и холода. — У меня просто застрял каблук.

Мужчина медленно, почти лениво, разжал пальцы на ее локте. Он не помог ей вытащить ногу. Он просто отстранился на шаг, скрестив руки на груди. Его взгляд скользнул по ее идеальному тренчу, по выбившейся из пучка пряжи, по портфелю, лежащему в грязи, и остановился на ее застрявшем каблуке.

— Я вижу, — сказал он. — Марк. Основатель «Сферы». Вы, наверное, та самая кара небесная, о которой мне звонил ваш босс.

— Ева. Ева Лебедева, — она наконец рывком вытащила каблук из камней, отряхнула пальто и подняла портфель. Пыталась сохранить остатки достоинства. — Я прибыла для проведения аудита. Как мы и договаривались по почте.

— По почте, — повторил Марк. В его голосе не было смеха, только сухая констатация. — Да. Я помню. Вы написали, что вам потребуется «полный доступ ко всем техническим и

финансовым узлам». Очень бюрократичный язык для места, где мы выращиваем помидоры и чиним ветряки.

— Это стандартная формулировка, — парировала Ева, поднимая подбородок. — И я привыкла работать по протоколу.

— А я привык работать по солнцу, — ответил Марк. Он развернулся и пошел к двери, даже не обернувшись, чтобы проверить, идет ли она за ним. — Протокол подождет. Сначала вы согреетесь. У нас в долине микроклимат, но ветер с реки обманчив. А простудившись в первый день, вы не сможете эффективно искать мои нарушения.

Ева замерла на секунду, пораженная его тоном. Он не пытался ей понравиться. Не включал обаяние, не извинялся за гравий. Он просто констатировал факты, как будто она была не грозным аудитором из Москвы, а капризным ребенком, которого нужно завести в дом и дать плед.

Она стиснула зубы и пошла за ним, цокая по деревянному настилу крыльца.

Внутри «Сфера» пахла иначе. Здесь не было запаха офиса. Пахло горячим воском, свежеструганной сосной, сушеными травами и крепким, терпким кофе. Интерьер был минималистичным, но невероятно теплым: грубые деревянные балки, огромные вязаные пледы на низких диванах, живые растения в кадках, которые тянулись к панорамным окнам.

Марк прошел в небольшую кухню-нишу, налил что-то из медного чайника в тяжелую керамическую кружку и поставил ее на стол. Пар поднялся вверх, неся аромат мяты и чабреца.

— Пейте, — сказал он, садясь напротив и беря в руки планшет. — Травяной. Кофеина у нас нет, мы не стимулируем нервную систему искусственно.

Ева посмотрела на кружку, потом на него.

— Мне нужен эспрессо. И пароль от Wi-Fi. И список ваших субподрядчиков за последний год.

Марк медленно поднял на нее глаза. В его серых глазах мелькнула искра. Не злости. Скорее, усталого amusement — как у взрослого, который смотрит на очень серьезного, но совершенно не понимающего реальность подростка.

— Wi-Fi у нас есть, но он только в общей зоне и только для связи с внешним миром. В жилых модулях мы его отключаем, — он сделал глоток из своей кружки. — Субподрядчиков я вам пришлю завтра, когда выйдете из состояния отрицания. А эспрессо, госпожа Лебедева, вы не получите. Потому что в «Сфере» мы не пьем то, что заставляет сердце биться быстрее, чем это нужно природе.

Ева медленно села на стул напротив него. Ее руки дрожали — от холода, от усталости, от бешеного, липкого раздражения.

— Послушайте, мистер... Марк, — она сделала его имя твердым, как выстрел. — Я здесь не для того, чтобы пить ваши травяные настои и слушать лекции об осознанности. Я здесь, чтобы найти факты. И я их найду.

Марк отставил кружку. Он наклонился вперед, и его лицо оказалось в полуметре от ее лица. Ева почувствовала запах, исходящий от него: не дорогой парфюм, а чистый, горьковатый аромат кедра, машинного масла и чего-то неуловимо мужского, дикого. От этого запаха у нее на секунду закружилась голова.

— Я в этом не сомневаюсь, — тихо сказал он. Его голос упал на октаву, став бархатистым и опасным. — Вы ведь для этого и прилетели. Но учтите одно, Ева.

Он впервые назвал ее по имени. Без отчества. Без фамилии. Просто Ева. И от того, как это прозвучало в его низком голосе, по спине пробежал холодок.

— Здесь, в горах, нет корпоративных лифтов, в которых можно спрятаться. Нет стеклянных стен, за которыми можно спрятать глаза. Если вы начнете копать, вы найдете грязь. Но помните: когда вы копаете яму для кого-то, вы всегда стоите в ней сами.

Он встал, забрал свой планшет.

— Ваш модуль — третий слева за оранжереей. Ключ на столе. Ужин в семь в общем зале. Опоздаете — оставите голодной. Природа здесь суровая, мы не тратим ресурсы на разогрев еды.

Он ушел, оставив ее одну в теплом, пахнущем травами пространстве.

Ева сидела неподвижно. Перед ней стояла дымящаяся кружка с чаем. За окном начинал накрапывать мелкий, морозящий дождь, размывая изумрудные склоны гор.

Она взяла кружку в руки. Керамика была горячей, обжигаящей пальцы. Она сделала глоток. Чай был пряным, глубоким, и он мгновенно, почти физически, расслабил зажатые мышцы плеч.

Ева закрыла глаза.

«Три дня, — напомнила она себе. — Просто три дня».

Но где-то глубоко внутри, под слоями цинизма и корпоративной брони, проснулось странное, тревожное чувство. Чувство, что она только что переступила порог места, которое не собирается подчиняться ее правилам.

И мужчины, который смотрел на нее так, будто видел не аудитора, а насквозь.

ГЛАВА 2. ТОЧКА КИПЕНИЯ

Утро в Модуле №3 началось не с будильника, а с абсолютной, звенящей тишины.

Ева проснулась и несколько секунд не могла понять, где находится. Кровать была непривычно мягкой, одеяло — тяжелым, из грубой льняной ткани, пахнувшей солнцем и лавандой. За окном не было гула МКАДа, сирен скорой помощи и фонового городского шума. Только шум ветра в кронах сосен и далекое, ритмичное журчание горной реки.

Она села на кровати, прижав ладони к лицу. Мигрень, которая была её верной спутницей последние три года, сегодня отступила. Но вместо облегчения это вызвало у Евы чувство тревоги. Тишина давила на уши.

Встав, она подошла к зеркалу. Отражение смотрело на неё настороженно. Ева расстегнула пижаму, осмотрела себя. Тело было бледным, почти прозрачным, с синяками под глазами, которые не мог скрыть никакой консилер. Она выглядела как человек, который давно разучился просто жить.

«Время работать», — сказала она своему отражению, стягивая волосы в тугий пучок.

Через двадцать минут она была готова. Безупречная белая рубашка, застегнутая на все пуговицы, темные брюки со стрелками, черный пиджак. Броня была надета. Ева взяла свой кожаный портфель и вышла из модуля.

Утренний воздух был холодным и обжигаяще чистым. Долина «Сферы» купалась в мягком, рассеянном свете. Роса на траве сверкала, как рассыпанные бриллианты. Всё выглядело идиллически. И именно это раздражало Еву больше всего. Идеальные картинки всегда скрывали грязь.

Она направилась к главному зданию, где, как она поняла из вчерашнего осмотра, находился административный центр. Дверь была открыта. Внутри пахло свежей выпечкой и кофе — настоящим, сваренным в турке, а не из автомата.

За массивным дубовым столом сидела пожилая женщина с седой косой и вязала что-то огромное и бесформенное. Увидев Еву, она улыбнулась так тепло, что у той внутри всё сжалось.

— Доброе утро, дорогая! — воскликнула женщина. — Я Анна. Вы, наверное, из Москвы? Проходите, присядьте. Чай будете?

— Доброе утро, Анна, — Ева кивнула, стараясь не улыбаться в ответ. Улыбки расслабляли мышцы лица, а ей сейчас нужна была концентрация. — Я Ева Лебедева. Подскажите, где я могу найти Марка? Мне нужно получить доступ к серверу и финансовым отчетам.

Анна покачала головой, не переставая вязать.

— Марк с утра в центральной оранжерее. Он там с техникой возится. А сервер у нас, милая, в подвале. Но ключи от него только у Марка.

Ева стиснула зубы.

— Спасибо.

Центральная оранжерея находилась в конце длинного застекленного перехода. Когда Ева открыла тяжелую дверь, её ударила в лицо стена влажного, горячего воздуха.

Она замерла. Это было похоже на попадание в другой мир. Под стеклянным куполом, залитым утренним светом, буйствовала жизнь. Высокие грядки с томатами, лианы огурцов, пряные травы в кадках. Воздух был густым, пах влажной землей, базиликом и чем-то сладковатым, похожим на аромат спелой дыни. Конденсат капал по стеклянным стенам, создавая эффект тропического ливня.

И посреди этого зеленого хаоса, на коленях перед открытым люком системы полива, сидел Марк.

Он был в той же фланелевой рубашке, но теперь рукава были закатаны еще выше, открывая сильные, загорелые предплечья, покрытые легким пушком и мелкими шрамами. Его руки, испачканные темной землей и машинной смазкой, уверенно крутили какой-то вентиль.

Ева сделала шаг вперед. Хруст гравия под её каблуком прозвучал в тишине оранжереи как выстрел.

Марк поднял голову. Его светло-серые глаза встретились с её взглядом. На секунду Еве показалось, что он усмехнулся, но это было лишь игрой света на его лице.

— Вы рано, — сказал он, вытирая руки о ветошь и вставая. Он был высоким, и в тесном пространстве оранжереи его присутствие казалось почти физически ощутимым. — Я думал, вы будете спать до обеда. Городские жители обычно так и делают.

— У меня нет времени спать, — парировала Ева, стараясь не смотреть на то, как ткань рубашки натягивается на его груди, когда он двигается. — Мне нужны данные по субподрядчикам и доступ к узлу учета энергопотребления. Мой босс ждет предварительный отчет к вечеру.

Марк медленно подошел к ней. Он не спешил. Его движения были плавными, экономными, без суеты, к которой привыкла Ева. Он остановился так близко, что она почувствовала исходящий от него жар. В оранжерее было душно, но рядом с ним воздух казался еще горячее.

— Ваш босс, — медленно произнес Марк, — живет в мире, где энергия берется из розетки, а еда — из супермаркета. Здесь, Ева, энергия берется от солнца и ветра, а еда растет из земли. И она капризная.

Он протянул руку и, прежде чем Ева успела отстраниться, коснулся пальцем листа томата, растущего прямо над её плечом. Его рука прошла в сантиметре от её шеи. Ева инстинктивно задержала дыхание. Кожа на шее покрылась мурашками.

— Видите этот лист? — тихо спросил он, не убирая руку. Его взгляд скользнул по её лицу, задержавшись на губах. — Если я сейчас подам в систему слишком много азота, он сгорит. Если мало — пожелтеет. Ваш босс хочет видеть в отчете «оптимальный расход ресурсов». Но оптимум — это не цифра в таблице. Это баланс. И его нельзя измерить вашим Excel.

Ева сделала шаг назад, нарушая это опасное притяжение. Её сердце билось слишком быстро.

— Баланс можно измерить, Марк. Всё можно измерить. Если вы не предоставите мне данные, я буду вынуждена составить акт о препятствовании проверке. А это автоматический штраф и судебный иск.

Марк медленно опустил руку. В его глазах вспыхнуло что-то темное, похожее на вызов.

— Вы действительно думаете, что меня это испугает? — спросил он, и его голос стал ниже, почти бархатистым. — Я строил эту долину, когда ваши корпоративные юристы еще

ходили в детский сад. Делайте свой акт, Ева. Но сначала пообедайте. Вы выглядите так, будто вас ветром сдует.

Он развернулся и ушел вглубь оранжереи, оставив её одну среди пахнущих травами грядок. Ева стояла, сжимая ручки своего портфеля, и чувствовала, как её щеки горят. От злости. Или от чего-то другого, в чем она боялась себе признаться.

Обед, а затем и ужин проходили в общем зале. Это было огромное пространство с высоким потолком, поддерживаемым массивными деревянными балками. Длинные столы были уставлены простыми, но невероятно аппетитными блюдами: запеченная рыба, овощи-гриль, густые похлебки, свежий хлеб.

Ева сидела в дальнем углу, перед ней стояла тарелка с овощным салатом, который она сама себе положила. Она открыла ноутбук, пытаясь пробиться через слабый сигнал местного Wi-Fi к корпоративному серверу. Полоска загрузки ползла мучительно медленно.

— Вы собираетесь это есть? — раздался голос рядом.

Ева подняла голову. Марк стоял с подносом. На нем была чистая, темная футболка, подчеркивающая широкие плечи. В руках он держал глубокую керамическую миску, от которой поднимался густой пар.

— Я не голодна, — солгала она, закрывая ноутбук. — И мне нужно работать.

Марк молча поставил миску перед ней. Запах ударил ей в нос: томленое мясо, чеснок, розмарин и что-то еще, невероятно уютное и домашнее. У Евы предательски заурчало в животе.

— Это рагу из оленины с корнеплодами, — сказал он, садясь напротив. — В нем в три раза больше калорий, чем в вашей траве. И оно согревает. В горах ночи холодные, Ева. Даже если вы этого не замечаете, ваше тело замечает.

Ева посмотрела на миску, потом на него. Он не смотрел на неё с насмешкой. В его взгляде была только спокойная, почти отцовская забота, которая бесила её больше всего.

Она взяла ложку. Попробовала. Вкус был невероятным — глубоким, насыщенным, обволакивающим. Она закрыла глаза на секунду, и когда открыла их, Марк уже ел свое рагу, глядя в окно, где сгущались сумерки.

— Почему вы здесь? — вдруг спросил он, не поворачивая головы.

Ева замерла с ложкой у рта.

— В смысле?

— Почему вы занимаетесь тем, чем занимаетесь? — он повернул к ней голову. В полумраке зала его глаза казались почти черными. — Вы умная. Вы видите системы насквозь. Но вы разрушаете их, вместо того чтобы создавать. Почему?

Ева медленно опустила ложку.

— Потому что мир так устроен, Марк. Есть правила. Есть законы. Есть ресурсы, которые нужно распределять. Я не разрушаю. Я привожу хаос в порядок.

— Хаос, — тихо повторил он. — Вы называете жизнь хаосом. А я называю её свободой. Вы боитесь её, Ева. Вы прячетесь за своими протоколами, потому что если вы остановитесь и прислушаетесь к тишине, вы услышите, как внутри у вас всё кричит.

Ева сжала ложку так, что побелели костяшки пальцев. Он попал в самое больное место. Туда, куда она не пускала даже своего психотерапевта.

— Вы ничего обо мне не знаете, — прошептала она, и её голос предательски дрогнул.

— Я знаю, что вы не спите по ночам, — ответил он так же тихо. — Я вижу, как вы ходите по долине после полуночи. Я вижу, как вы смотрите на звезды так, будто пытаетесь найти там ответ. Вы устали, Ева. Позвольте себе просто поесть. Просто побыть здесь. Хотя бы на одну ночь.

В этот момент что-то грохнуло снаружи.

Это был не раскат грома. Это был удар, от которого задрожали деревянные балки потолка и зазвенела посуда на столах. Свет в зале мигнул, на секунду погас, а затем зажегся снова, но уже не ярким электрическим светом, а теплым, янтарным сиянием аварийных ламп.

Люди в зале замолчали. Все подняли головы к огромным панорамным окнам.

За стеклом творилось нечто невообразимое. Небо, еще минуту назад бывшее темно-синим, разверзлось. Ливень обрушился на долину с такой силой, что казалось, будто горы рушатся. Ветер гнул верхушки сосен до самой земли. Молнии вспыхивали непрерывно, освещая белые пенные потоки, которые уже неслись по дорогам, превращая их в бурлящие реки.

— Вот и началось, — спокойно сказал Марк, допивая свой чай.

Ева вскочила, подбежала к окну. Её ноутбук остался на столе, экран погас.

— Связь! — воскликнула она, доставая телефон. — Нет сети. Wi-Fi отключился.

— Спутниковый канал упал, — подтвердил кто-то из мужчин у входа. — Антенну ветром сорвало, наверное.

— А дорога? — обернулась Ева к Анне, которая спокойно собирала тарелки. — Мост через реку!

Анна вздохнула, вытирая руки полотенцем.

— Мост смыло, милая. Я еще вчера говорила, что вода в реке поднялась. Теперь до перевала не добраться минимум неделю. А то и две.

Ева медленно повернулась к Марку. Он сидел за столом, спокойно наблюдая за ней. В янтарном свете аварийных ламп его лицо казалось резким, почти первобытным.

— Две недели? — прошептала она, чувствуя, как холодная волна паники поднимается от желудка к горлу. — У меня отчет. У меня встреча с советом директоров в понедельник. Мне нужно... мне нужно выбраться отсюда!

Марк встал. Он медленно подошел к ней, останавливаясь так близко, что она могла видеть капли дождя, застывшие на его ресницах. Он пах дождем, озоном и тем самым кедром.

— Вы никуда не уедете, Ева, — сказал он тихо, и в его голосе не было злорадства. Только спокойная, неумолимая сила стихии. — Добро пожаловать в реальный мир. Здесь нет дедлайнов. Здесь есть только шторм. И мы.

Ева посмотрела на него, потом на бушующее за стеклом небо. Её идеальный план на три дня рухнул в одну секунду. Она была заперта в долине. Без связи. Без контроля. Наедине с мужчиной, который видел её насквозь, и с тишиной, которой она так боялась.

И впервые за много лет она поняла, что её броня здесь абсолютно бесполезна.

ГЛАВА 3. ЗАЗЕМЛЕНИЕ

Шторм бушевал уже третий час.

Модуль №3, который днем казался Еве уютным и стильным убежищем, теперь превратился в хрупкую скорлупу, брошенную в жерло разъяренного вулкана. Ветер не просто выл — он бил по стеклянным стенам тяжелыми, мокрыми ударами, заставляя рамы вибрировать. Где-то вдалеке, за рекой, с глухим, утробным треском падали старые деревья.

Ева сидела на краю кровати, обхватив колени руками. Ноутбук был закрыт. Телефон лежал на тумбочке, превратившись в бесполезный кусок стекла и металла.

Она пыталась дышать. Вдох на четыре счета. Задержка на семь. Выдох на восемь. Техника, которую ей дал психотерапевт. Но воздух не шел в легкие. Он застревал где-то в горле, горячий и колючий.

«Нет связи. Моста нет. Отчет не отправлен. В понедельник совет директоров. Они подумают, что я сорвалась. Они заменят меня. Я потеряю партнерство. Я потеряю всё».

Мысли металась в голове, как испуганные птицы, ударяясь о ребра. Грудная клетка сжалась в тисках. Сердце колотилось так сильно и неровно, что Ева физически ощущала каж-

дый удар в кончиках пальцев. Звон в ушах нарастал, перекрывая шум дождя. Комната начала плыть, стены сужались.

Это была паническая атака. Та самая, которую она прятала от коллег, от друзей, от самой себя. Та, от которой она принимала таблетки, запивая их двойным эспрессо, чтобы никто не заметил дрожи в руках.

Ева попыталась встать, чтобы дойти до ванной и умыться холодной водой, но ноги не слушались. Они стали ватными. Она рухнула обратно на кровать, судорожно хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Темнота подступала к краям зрения.

И вдруг дверь модуля открылась.

Ева не слышала стука. Она вообще ничего не слышала, кроме собственного дикого, рвущегося из груди дыхания.

Шаги. Тяжелые, уверенные. Не торопливые.

— Ева.

Голос Марка прозвучал не громко, но он пробился сквозь звон в её ушах, как маяк сквозь шторм.

Она подняла на него глаза. Он стоял в дверях, и за его спиной коридор был погружен в полумрак, освещенный лишь тусклым светом аварийных фонарей. На нем был толстый шерстяной свитер с высоким воротом. В руках он держал что-то объемное и темное.

— Уходи, — выдохнула она, с трудом разжимая челюсти. Ей было стыдно. Стыдно до физической тошноты. Чтобы он увидел её такой — сломанной, жалкой, неспособной контролировать даже собственное дыхание. — Я... мне просто нужно...

— Ты не можешь дышать, — констатировал он. Он не подошел сразу. Он остановился на расстоянии, давая ей пространство, но его светло-серые глаза были прикованы к её лицу, считывая каждый спазм. — Твои легкие работают, Ева. Проблема в голове. Голова думает, что ты умираешь. Но ты не умираешь. Ты просто здесь. В горах. В шторм.

— Я не могу... — она схватилась за край одеяла, ногти впились в ткань. — Воздуха... нет...

Марк шагнул к кровати. Он не стал её обнимать, не стал гладить по голове, не стал говорить банальных «успокойся». Вместо этого он развернул то, что держал в руках. Это было тяжелое, плотное вязаное одеяло из грубой, неокрашенной шерсти.

— Сядь на пол, — тихо, но властно сказал он.

— Что? — прошептала она, не понимая.

— Сядь на пол. Прямо сейчас. Ноги на пол. Почувствуй доску под собой.

В его голосе не было места для спора. Это был тон человека, который знает, как управлять хаосом. Ева, повинувшись этому тону, сползла с кровати и опустилась на деревянный пол. Доски были прохладными и твердыми.

Марк опустил на колени рядом с ней. Он набросил тяжелое шерстяное одеяло ей на плечи. Вес был неожиданным, почти давящим, но именно этот вес заставил её почувствовать границы собственного тела.

— Закрой глаза, — скомандовал он. — Теперь слушай меня. Я буду дышать. Ты будешь дышать со мной. Только со мной. Не думай о понедельник. Не думай о совете директоров. Думай только о моем голосе.

Он положил свою большую, горячую ладонь ей на спину, ровно между лопаток. Его рука была тяжелой, теплой, абсолютно реальной.

— Вдох, — произнес он, и она услышала, как он сам делает глубокий, шумный вдох. — Раз... два... три... четыре.

Ева судорожно втянула воздух.

— Задержка. Раз... два... три... Выдох. Медленно. Как будто задуваешь свечу, но очень осторожно.

Он медленно водил ладонью по её спине, задавая ритм. Вверх — вдох. Вниз — выдох.
— Еще раз. Вдох. Чувствуешь, как воздух наполняет ребра? Выдох. Чувствуешь, как плечи опускаются?

Минуты тянулись как часы. Ева цеплялась за звук его низкого, бархатистого голоса, за тепло его руки, за тяжесть шерсти на плечах, как за единственную соломинку в бушующем океане. Постепенно, очень медленно, тиски в груди начали ослабевать. Звон в ушах стих, уступив место шуму дождя за окном.

Она открыла глаза. Она сидела на полу, укутанная в плед, а Марк сидел рядом, его рука всё еще лежала на её спине. Он не смотрел на неё с жалостью. В его взгляде было только спокойное, глубокое понимание.

— Лучше? — тихо спросил он.

Ева кивнула. Горло сжалось от подступающих слез, но она сглотнула их.

— Да. Прости. Я... я не знаю, что это было.

— Это было то, что случается, когда человек слишком долго бежит, не оглядываясь, — мягко сказал он. Он убрал руку, но не встал. — Вставай. Здесь слишком душно, и ты слишком близко к окнам. Пойдем в главный дом. Там камин.

Он протянул ей руку. Ева посмотрела на его ладонь — широкую, с мозолями и легкими царапинами. Она вложила свою холодную, дрожащую руку в его. Он сжал её пальцы, поднимая на ноги. Его хватка была надежной, как скала.

Главный дом был погружен в тишину. Остальные жители «Сферы», привыкшие к капризам карельской погоды, давно разошлись по своим модулям. Только в огромной гостиной с высоким потолком горел свет.

В центре комнаты, в каменном очаге, весело потрескивали поленья. Огонь отбрасывал пляшущие тени на деревянные балки, наполняя пространство теплым, янтарным светом. Пахло дымом, сушеной мятой и чем-то сладким — корицей и яблоками.

Марк провел её к низкому, широкому дивану, заваленному подушками и пледами. Он усадил её, снова укутал в шерстяное одеяло, а сам исчез на кухне. Вернулся он через минуту с двумя тяжелыми керамическими кружками.

— Это не чай, — сказал он, протягивая ей одну. — Это горячее какао. На воде, с шепоткой морской соли и корицей. Сахара нет. Пей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.